

УДК 82-3

Татьяна Сенькевич

ПОЭТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА („КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКИЙ” О. ЖДАНА)

Досліджена модель історичного роману в білоруській літературі з точки зору історично-соціальної і власне естетичної трансформації жанрового канону. Визначені потенційні можливості розвитку історичного роману в сучасному культурному світі. Автор аргументує думку про те, що тематико-проблемне поле сучасного історичного роману визначає синкретичний характер поетики, в якій дедалі вагомішою стає тенденція до міфологізації історичної реальності, актуалізуючи містичну складову різної природи.

Ключеві слова: *О. Ждан, російськомовна література, історичний роман, поетика, аксіологія, міфологізація, історизм.*

Историк, теоретик литературы, писатель Ю. Тынянов полагал, что художественно-литературное новаторство проявляет себя прежде всего в жанре, а не в языке и стилистике. Однако, как показало развитие жанра исторического романа в XX – начале XXI веков, и эти факторы не вторичны, а напротив, часто выступают наиболее очевидными формами новаторства.

Русский исторический роман еще с момента зарождения был признан А. Пушкиным, В. Белинским, Н. Добролюбовым как „генетически самостоятельное образование со своей специфической художественной системой” [1, с. 12].

В белорусской литературе XX века история народа нынешней Беларуси художественно реализована в произведениях В. Короткевича, одного из зачинателей жанра исторического романа. Позже внимание к прошлому своего народа найдет отражение, в частности, в романах Л. Дайнеки, О. Ипатовой. В романах В. Короткевича о средних веках повествование обогащали легенды, сказания, в произведениях современной писательницы О. Ипатовой мощной составляющей становится мифопоэтика, противоборство язычества и христианства. Если у Короткевича это отдельные вкрапления, создающие легендарный фон, то у Ипатовой использование мифопоэтических средств и приемов обретает характер тенденции.

Подобное привлечение материала, „работающего” на обогащение лирического содержания исторических произведений, знаменательно. До сегодняшнего дня существует несколько определений жанра „исторический роман”. Следует признать, что принципиальные расхождения в выявлении основных характеристик у разных

литературоведов фактически отсутствуют. Все они единодушны в одном: исторический роман базируется на принципе историзма, совмещает в себе художественный домысел, художественный вымысел и документальный материал. Все остальные „показатели” жанра лишь дополняют и уточняют общую картину.

Современный литературный процесс Беларуси в последние два десятилетия демонстрирует все возрастающий интерес к историческим жанрам, особенно роману и повести. Подтверждением этому могут служить диалогия „Радимичи”, „Земля непокоренная”, роман „На перепутье двух дорог” русскоязычной писательницы Беларуси Н. Голубевой, романы Л. Дайнеки, О. Ипатовой и др.

Актуализация в последнее время интереса к национальной истории понятна: национальная самоидентификация, национальное самоопределение и пр. в конечном итоге определяют духовное „здоровье” любой нации, ее готовность и способность развиваться в уникальном современном полинациональном контексте.

Показательно то, что исторические жанры в современном литературном процессе Беларуси обращены к далекому прошлому народа. Например, Н. Голубева в диалогии изображает события IX-X веков, судьбу племени радимичей, предков нынешних белорусов. Писательницу интересуют прежде всего те качества представителей племени, которые и позволяют говорить о менталитете современных белорусов. Н. Голубева блестяще справляется с непростой задачей поведать историю далекого прошлого, опираясь лишь на артефакты, легендарный материал, мифы, летописи. В арсенале художницы слова не было ни архивных источников, ни воспоминаний участников событий, что, безусловно, максимально осложняло процесс создания правдивого художественного повествования в жанре исторической повести, а не фэнтези.

Русскоязычный писатель Беларуси Олег Алексеевич Ждан родился в 1938 году в Смоленске. Окончил историко-географический факультет Могилевского педагогического института, Литинститут, Высшие курсы сценаристов и режиссеров, работал слесарем, редактором на телевидении и киностудии, заведующим отделом в известном белорусском журнале „Неман”, начал печататься с 1963 года. Предпочитая малые и средние повествовательные формы, Ждан в своих произведениях обращается к „обыкновенным” историям из жизни своих современников, сельских и городских жителей, молодых и зрелых, судьбам „маленького” и „среднего” человека. Сознательно или бессознательно следуя принципу Ф. Достоевского, продолженному Ю. Трифиновым, он убеждает читателя в том, что экстремальная ситуация – сама жизнь. Названия произведений свидетельствуют о том, что писатель не ищет что-то исключительное: „Во время прощания” (1975), „В гостях и дома” (1977), „Черты и лица” (1985), „По обе стороны проходной” (1987), „Самостоятельная жизнь” (1990) и др. В 90-е годы появилось новое литературное пристрастие: О. Ждан написал несколько пьес. А в 2010 году вышел исторический роман „Князь Мстиславский”.

В эпилоге произведения Ждан сообщает: „Дед автора этого романа священник Иоанн Константинович Пушкин в начале прошлого века захотел было возратить себе почетную и выгодную по тому времени приставку Ждан и – доказал-получил...” [2, с. 253]. Интерес автора, таким образом, к событиям начала XVI века в некоторой степени объясним. Подобная мотивация (генеалогическая связь с историческими деятелями далеких эпох) известна классическим примером („Борис Годунов”, „Арап Петра Великого” А. Пушкина).

Правда, предок О. Ждана не столь знаменит, как Ганнибал или боярин Пушкин времен Смутного лихолетья, но восстановление живой связи эпох, усиленное автобиографическим фактором, обретает характер полнокровного художественного образа исторического прошлого.

Русскоязычная проза Беларуси – явление богатое и разноплановое прежде всего по приверженности писателей к различным художественным стратегиям. Жанрово-стилевая парадигма этой литературы органична в русле общемировых литературных традиций и тенденций. О. Ждана причисляют к писателям реализма. Нам представляется более убедительным говорить о прозе данного художника слова как о неоклассической, если следовать предложенной белорусской исследовательницей Г.Л. Нефагиной классификации современной прозы. Давая характеристику этому виду словесности, литературовед отмечает: „Неоклассическая проза обращается к социальным и этическим проблемам жизни, исходя из реалистической традиции, поэтому иногда в критике можно встретить определение „традиционная” проза. Средствами и приемами реалистического письма, наследуя „учительскую” и „проповедническую” направленность русской классической литературы, писатели-„традиционалисты” пытаются создать картину происходящего, осмыслить его, воспитать необходимые представления о норме социального и нравственного поведения” [3, с. 21]. Показывая прочную связь с реалистической литературой прошлого, Г. Нефагина признает за неоклассической литературой возможности и способность воспринимать и художественно воплощать в произведениях новые принципы, средства, приемы, характерные в том числе для поэтики, стилистики модернистской, постмодернистской прозы, обогащая структуру произведений элементами сентиментального, романтического искусства слова.

Данные уточнения необходимы для того, чтобы рассмотреть поэтику романа О. Ждана в сложном контексте традиций и новаторства, различных литературных тенденций и стратегий.

Для постижения своеобразия поэтики романа О. Ждана обратимся к сюжету, который, на наш взгляд, является многолинейным в силу наличия нескольких сюжетных линий, чередования их параллельного и перекрестного сосуществования, сближения и отталкивания. Функция сюжета в произведении русскоязычного прозаика многопланова: позволяет раскрыть характер богатой, разветвленной персонажной системы, укрупнить фигуру главного героя – князя Мстиславского – и поворотные, кульминационные исторические события, а также эпизоды семейно-

бытового, родового, иных планов. Подобный сюжет позволяет выявить не только содержательную сторону событий, их характер, но и мотивацию поступков героев, их эмоционально-психологическое состояние.

Писатель обоснованно отдает предпочтение локальным, преходящим, окказиональным сюжетным конфликтам, поскольку повествовательное пространство концентрируется в разных географических точках, стремительно переключение внимания, что позволяет сделать рассказ динамичным, насыщенным разнообразными событийными рядами с богатой исторической фактографичностью. По мнению французского ученого-структуралиста А.Ж. Греймаса, событийные ряды осуществляют медиацию, а „медиация повествования состоит в „гуманизации мира“, в придании ему личностного и событийного измерения” [4]. Эту же картину мы наблюдаем и в романе „Князь Мстиславский”.

Следуя рассуждениям В.Е. Хализева, сюжет романа Ждана тяготеет к архетипическому, поскольку действие развивается в традиционном русле реалистической художественной системы от завязки к развязке с наличием „конфликтов преходящих, локальных” [5, с. 219].

Ждан придает повествованию не только информационно-познавательные, воспитательные, но и занимательные качества. Последняя характеристика особенно актуальна в литературе, ибо максимально сближает событийное время произведения и день сегодняшней, как правило, привлекая те детали и фокусы изображения, которые востребованы современной читательской аудиторией.

На наш взгляд, определяя ведущие свойства сюжета романа О. Ждана, принимая во внимание теоретические положения, отстаиваемые В. Хализевым, и принадлежность прозы писателя к неоклассической, признаем сюжет романа традиционным, который отличает катарсичность, определенная риторичность. Согласно бахтинскому определению, данному типу сюжета присуща и монологичность.

Роман О. Ждана, являясь событийным произведением, характеризуется наличием в нем монтажного начала, где наблюдаются хронологические перестановки в контексте кольцевой композиции: автор начинает роман с ключевого события – окружения города Мстиславля войсками Василия III – и завершает произведение (исключая эпилог) рассказом об этом же событии.

Временная организация романа определяется особенностями сюжетосложения, характером конфликтов, событийным (историческим) планом повествования.

Роман начинается с полной лиризма зарисовки, короткого рассказа о трех путниках, членах одной семьи, которая держит путь, как выяснится позже, издалека в Мстиславль.

Символика дороги не разрушается автором. Ее серьезно обогатит исторический контекст: дорога жизни этой, еще не известной читателю, семьи авторской волей уже включена в историческое время. Если первая фраза рассказа: „Трое шли к городу” [2, с. 10] – лишена средств образной выразительности, минимально информационна, выглядит как явная

констатация, то завершающие строки наполнены лиризмом, ностальгией и грустью по неизведанному: „Жаворонки неумолчно взлетали и падали. И, как всегда, непонятно было, весела их песня или печальна” [2, с. 11].

Без какого-либо связующего звена автор воссоздает картину перманентного противоборства между Великим княжеством Литовским и Московским государством, усугубляемого обострившимся еще в конце XV века противостоянием княжества и Крымского ханства.

Для читателя подобная смена семантико-интонационного, эмоционального рисунков неожиданна. В подобном смещении смылосодержательных кадров есть несомненное преимущество перед линейным сюжетом.

От довольно подробной исторической справки аналитического характера автор снова внезапно, используя прием ретроспекции, обращается к прошлому князя Мстиславского, когда ему, тогда Михаилу Жеславскому, было 38 лет.

О. Ждан в романе строго следует за исторической фактографией, привнося в повествование обязательный для исторической поэтики фактор – художественный домысел. От этого изображение обретает характер живой картинки, а не застывшего, скупого на эмоции документа. Так, рассказывая о стремлении Великого князя Александра жить в мире с Московским государем Иваном III, О. Ждан пишет: „Воевать с Иваном не было сил, и, чтобы спасти другие земли, ...Александр посватался к дочери Ивана Елене” [2, с. 18]. Далее читатель узнает и о нежелании Ивана отдавать свою дочь в „латинство”, и о сложных семейных взаимоотношениях Александра и Елены в последующем. Из учебника же он почерпнет достаточно сдержанные, лаконичные сведения: „Условия мира предусматривали, что оба государя должны оказывать почтение и помогать друг другу... Кроме того, Александр женился на дочери Ивана III, Елене” [6, с. 98].

Персонажная система романа, с одной стороны, имеет четкое разграничение на „своих” и „чужих” (врагов). „Свои” – те, кто живет в Великом княжестве Литовском, враги – Московское государство. В то же время для Ждана неприемлема подобная категоричность в интерпретации характеров прошлого. Он осложняет образную сферу выявлением противоречивых качеств. Кроме того, одни характеры „прорисованы” тщательно, другие – крупными мазками или несколькими лаконичными фразами. Не менее важным является акцентирование внимания на неоднозначности фигур „чужих”, показ их сомнений, нерешительности в моменты принятия важных, даже судьбоносных решений.

Писатель большое внимание уделяет князю Михаилу, его братьям Богдану и Федору, жене Юлианне, брак с которой был по-настоящему счастливым, а смерть жены принесла Мстиславскому величайшее горе. Прозаик достаточно подробно рассказывает о характере правления князя, проводимых им реформах, взаимоотношениях с жителями города. К данному образу „стягивается” достаточно богатая персонажная система. В нее включены не только родственники и семья Мстиславского, но и Великий князь Александр, Иван III, Василий III,

другие известные, именитые исторические деятели XV-XVI веков. В этой системе – приближенные князя, его мнимые „друзья”, оппоненты и враги. Следует отметить, что автор, определив стратегические сюжетные линии, последовательно их развивает на протяжении всего повествования. Например, рассказывая о появлении Михаила Мстиславского в новой ипостаси князя, О. Ждан обращает внимание на настороженность, граничащую со страхом, ожидание суровых мер жителями города. Князь действует решительно, ломает сложившиеся стереотипы, работает на перспективу. Не идеализируя героя, отмечая, что Мстиславский заботится и о благополучии своего рода, семьи, писатель указывает и на то, что многое в жизни мстиславцев изменилось. Тяжело, с сопротивлением, но преодолевалась вековая инертность населения, приток людей позволял увидеть новую жизнь, новые правила и привычки, о городе пошла молва как о богатом и хлебосольном. Автор не говорит о скорой позитивной реакции мстиславцев на перемены, да и читатель не поверил бы в правдоподобность таких событий. Как вердикт звучат в одной из глав такие слова: „...нарушил жизнь, какая была. Нельзя ее нарушать” [2, с. 49]. И потому как бы дальше ни складывались обстоятельства, какие бы меры для укрепления земель не предпринимал князь, мнение людей так и останется осторожным, даже с определенной долей осуждения.

Во вступительной к роману статье известный белорусский исследователь С. Букчин справедливо отмечает: „С точки зрения традиционной исторической романистики, вроде бы совсем не выдающуюся фигуру избрал для своего повествования Олег Ждан. Ни великих подвигов, ни страшных злодейств не числится за Мстиславским князем Михаилом Жеславским” [2, с. 6]. Действительно, князь Мстиславский, потомок Гедиминовичей, стал править Мстиславлем после женитьбы на дочери „наследственного володаря Мстиславля князя Ивана Юрьевича” [2, с. 7]. Писатель, кроме личного интереса, о котором говорилось выше, стремится показать князя, правившего небольшим городом, оказавшимся на „перекрестке” двух мощных государств.

Князь Михаил не наделен качествами выдающейся личности. Женитьба на привлекательной Юлианне преследовала и чисто прагматический интерес: в его руках – княжество.

Благодаря разветвленной образной системе раскрывается многомерность характера князя Мстиславского. Общение с каждым из героев, мирное сосуществование, дружба, любовь, конфронтация – все это выявляет сложную, противоречивую натуру героя. И читатель понимает, что даже „невыдающаяся” личность способна вызвать богатый спектр эмоций, переживаний, заставить страдать и сопереживать. Помимо традиционных для реалистического искусства слова средств и приемов (портретные и речевые характеристики, описание обстановки, пейзажные зарисовки, др.) писатель дает собственные комментарии, делает лаконичные замечания, пр.

О. Ждан развивает линию судьбы князя по нарастающей, и потому она достигает своей кульминации именно в финале романа, когда автор

изображает драматичный для мстиславцев выбор: сдать город московскому воеводе Щене, а князю – присягнуть „на верность московскому государю и закрепить присягу целованием креста” [2, с. 7-8] или сопротивляться огромной по численности вражеской силе и погибнуть. Читатель верит, что князь Мстиславский будет сражаться до конца, но не писатель, а сама действительность и исторический выбор героя не оправдывают ожиданий нашего современника. Князь не может рисковать жизнями людей, которые давно стали ему близкими независимо от отношения к принципам и характеру его правления, и потому выполняет требования москвитов. О. Ждан не дает оценок поступку героя. Нам представляется оправданной подобная позиция автора. В данном случае он придерживается чеховской традиции, доверяя своему читателю. Кроме того, в этом мы видим и „мужскую” логику письма: в неоднозначной, противоречивой ситуации разумом сдерживать эмоциональное начало.

Таким образом, создавая концепцию исторической личности (в данном случае мы говорим о князе Мстиславском), художник слова проецирует судьбу героя на исторические реалии и обстоятельства, актуализируя категории нравственного и исторического выбора, отстаивает мысль о том, что историческое время формирует, развивает, закаляет личность, выявляет в ней новые качества.

Жанровая специфика диктует и необходимость включения в повествование документального материала, который автор вводит грамотно и дозирует его, что создает впечатление органичного сосуществования художественного повествования, фактов историографии, летописных источников.

Историко-культурный контекст в романе позволяет судить о глубоком знании автором далекого прошлого. Он зримо, в ярких образах воссоздает не только политическую, но и семейно-бытовую сферу жизни, традиции, нравы жителей княжества в начале XVI века. В произведении отсутствуют крупномасштабные военные сражения, баталии, действие смещено в сферы придворных интриг, борьбы за власть и сопровождающие их явные и скрытые противостояния. Но колорит эпохи реализуется и в свадебном обряде, праздновании Троицы; говорится в романе о вере в приметы и предсказания, природные и мистические знаки, др. Не меньшее значение автор придает снам и сновидениям, которые играют важную роль в сознании и мировосприятии людей далекого прошлого.

О. Ждан и О. Ипатова воссоздают в своих романах близкие по эпохам события. Историческая романистика этих художников слова принадлежит одному времени, одной литературной стратегии – реализму, отражает историю одного народа – белорусов. Однако подходы к интерпретации исторических личностей, мотивов их поступков, фактов во многом отличаются. Романы О. Ипатовой отличаются интертекстуальностью, богаты реминисценциями не только литературы, истории, но и философии, биологии, географии, др. наук. К тому же мифопоэтическая составляющая становится равноправной наряду с

событийным (историческим) повествованием, порой даже диктуя свои условия сосуществования в рамках художественной структуры.

О. Ждан отдает предпочтение фактографии, обогащенной художественным вымыслом и домыслом, укрупняет исторические фигуры погружением в мир чувств и переживаний героев на фоне их действий и поступков.

1. Юдин В.А. Жанровое новаторство русского исторического романа 1970-80-х годов : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.01.02. „Литература народов СССР” / В.А. Юдин. – М., 1992. – 49 с.
2. Ждан О.А. Князь Мстиславский : роман / Олег Ждан. – Минск : Літаратура і мастацтва, 2010. – 256 с.
3. Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века : учеб. пособие для ст-тов филол. фак-тов вузов. / Г.Л. Нефагина. – Минск, 1977. – 231 с.
4. Греймас А.Ж. В поисках трансформационных моделей / А.Ж. Греймас // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – М., 1984. – С. 106-108.
5. Хализев В.Е. Теория литературы : учеб. – 2-е изд. / В.Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 2000. – 398 с.
6. Чигринов П.Г. Очерки истории Беларуси : учеб. пособие для вузов / П.Г. Чигринов. – Минск : Выш. шк., 2000. – 461 с.

Аннотация

Исследована модель исторического романа в белорусской литературе с точки зрения исторично-социальной и собственно эстетической трансформации жанрового канона. Определены потенциальные возможности развития исторического романа в современном культурном мире. Автор аргументирует мысль о том, что тематико-проблемное поле современного исторического романа определяют синкретический характер поэтики, в которой все более весомой становится тенденция к мифологизации исторической реальности, актуализируя разноприродную мистическую составную.

Ключевые слова: *О. Ждан, русскоязычная литература, исторический роман, поэтика, аксиология, мифологизация, историзм.*

Summary

The model of modern historical novel in Belarusian literature is researched in the article from the aspect of historical-social and aesthetic transformation of a genre canon. The potential resources of the development in the sphere of modern historical novel is defined. The author reasons the idea that the theme-problematic set of modern historical novel defines syncretic nature of the poetry theory and performs the tendency to mythologizing the historical reality and actualizing the mystical component of the different nature.

Key words: O. Zhdan, Russian-language literature, historical novel, poetics, axiology, mythologization, historicism.